

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО ТАЛАНТА

ЗРИТЕЛИ часто задают вопрос, — говорил Эраст Гарин в дни своего шестидесятилетия в ноябре 1962 года, — какая у вас самая любимая роль? Должен сказать, что мне на него нелегко ответить. Вспомнишь одну, другую... И то нравится, и это... И то могло быть куда интересней — и то, и это... Так что будем считать: любимая роль еще впереди...».

Великолепный мастер, создатель образов, отточенных до мельчайших деталей, он всегда недоволен сделанным, всегда упорно ищет новые и новые оттенки, стремясь добраться до самой сути роли, «до корня». И режиссерам, сценаристам нередко приходится туго от его упрямой настойчивости, от его, казалось, бесконечных вопросов, сомнений, предложений. Но кто из наших режиссеров или актеров откажет себе в удовольствии встретиться с Эрастом Гариным в работе, поспорить с ним до хрипоты и вместе с ним в десятый, в одиннадцатый, в пятнадцатый раз повторить сцену, чтобы получить наконец настоящий ГАРИНСКИЙ кадр?

Обыкновенное чудо таланта. Да простит мне киноактриса Зоя Федорова, но сколько я ни перебирал определений актерской и человеческой сути Эраста Гарина, более точного и образного, чем это, найденное ею, его давней партнершей, я не нашел.

Смотришь на изображения актера в ролях Хлестакова, Чацкого, Гулячкина в «Мандате» Н. Эрмана, доктора Калюжного в «Сыне народа» Ю. Германа, Тарелкина в «Смерти Тарелкина», Короля из «Золушки» по Е. Шварцу, жениха из чеховской «Свадьбы», учителя Витаминича из «Аленки» по С. Антонову, и невольно приходят на ум слова Вс. Мейерхольда о Гарине, сказанные В. Маяковскому еще в двадцатые годы: «Дьявольски талантлив. Комик. Острый, злой. Далеко пойдет...».

Злой.. Казалось бы, стоит лишь произнести имя Гарина, как у каждого всплывают в памяти детские, прозрачные, бесконечно наивные глаза то и дело кидающего свою бумажную корону Короля-неумехи из «Золушки». А мне вот вспоминается резкий, колючий голос

Эраста Павловича, читавшего запись своей беседы со зрителями чеховской «Ведьмы», где он играл заштатного, одичавшего дьячка.

«Практика моих встреч с чеховскими произведениями, — говорил Э. Гарин, — приучила меня к необыкновенной осторожности. За его безупречной, но внешней «объективностью» всегда таится ненависть к многоликому, хамелеонствующему, вездесущему мещанину. «Собака пошлости», по выражению Маяковского, если ее не трогать, превращается в шакала. Мещанство — тихое, домашнее, ручное и безобидное — может приобрести угрожающие масштабы. Вероятно, поэтому меня как актера всегда, когда я сталкиваюсь с персонажами Чехова («Свадьба» — жених, «Счастливчик» — новобрачный, «Ведьма» — дьячок), преследует призрак гиперболического мещанства — Гитлер. Микробы невежества, подозрительности, возшедшие на дрожжах собственного мещанства, — вот где таятся истоки сначала мещанства, а затем и человеконенавистничества».

Да, артист, такой человеческий и грустный, при встрече с гоголевским мелким чиновником или добрым наивным героем сказки становится безжалостен, саркастичен, когда на его пути встречается мещанин, будь то незадачливый

охотник за приданым, как жених из чеховской «Свадьбы», будь то шофер такси Тараканов из современной кинокомедии «Музыкальная история».

Типично водевильный персонаж Тараканов стал в исполнении Гарина фигурой сатирической. Своей, столь свойственной современному мещанину претензией на интеллигентность, своей страстной погоней за модой и сверхмодой, своим незбытым хамством и душевным ничтожеством он вызвал у артиста не снисходительную, веселую улыбку, а презрение.

Я все по привычке говорю: актер Гарин. А сколько интереснейших спектаклей поставлено Гариным-режиссером в содружестве с Х. Ложиной в театрах Москвы и Ленинграда — памфлет Е. Петрова «Остров мира», «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова, «Мандат» Н. Эрмана, «Смерть Тарелкина» А. Сухово-Кобылина.

А в свободные часы — когда только у него бывают эти свободные часы! — Эраст Гарин пишет мемуары под названием «История одного кинематографиста» и, следует отдать справедливость, пишет превосходно: образно, ярко, с хлестким юмором.

Со многими современными драматургами повстречался на своем долгом пути в искусстве Эраст Гарин — с Всеволодом Вишневским, Николаем Эрмандом, Юрием Германом (написавшим специально для него роль доктора Калюжного), с Сергеем Антоновым, Александром Галичем. Но ближе всего ему оказался Евгений Шварц, чьи сказки, по словам Эраста Павловича, «правда, правда о времени, о людях, о добре, о любви».

В сказках Шварца Гарин играл Тень и Царя-водокрута в одноименных пьесах, играл трех королей — безгранично наивного в «Золушке», безгранично коварного в «Обыкновенном чуде», безгранично подлого в «Каше XVIII». Он поставил «Тень» в Московском театре сатиры и «Обыкновенное чудо» в театре киноактера.

Понимая всю меру занятости Эраста Павловича, приступившего сейчас к экранизации «Обыкновенного чуда» на студии детских и юношеских фильмов имени Горького, я не рискнул оторвать его от дел традиционным вопросом: каковы ваши творческие планы? Хотя знаю, что это всегда любопытно читателям. Но мне точно известно, что прославленный комический актер Эраст Гарин давно уже мечтает поставить и сыграть трагедию «Ричард III» В. Шекспира.

Борис МЕДВЕДЕВ.

НА СНИМКАХ: Э. ГАРИН в ролях: слева — Петухов в фильме «Синяя птичка»; в центре — Тараканов в фильме «Музыкальная история»; справа — бродяга в телевизионной новелле «Воскресенье в джунглях».

Вечерняя Москва, 1964, 1 авг.